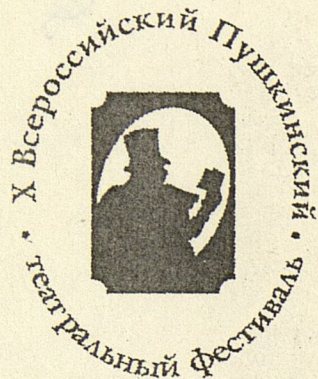

«Меж ими все рождало споры»

«ЭС» публикует фрагменты выступлений на занятиях Творческой лаборатории Всероссийского Пушкинского фестиваля Слово — практикам-режиссерам Адольфу Шапиро и Марку Розовскому.

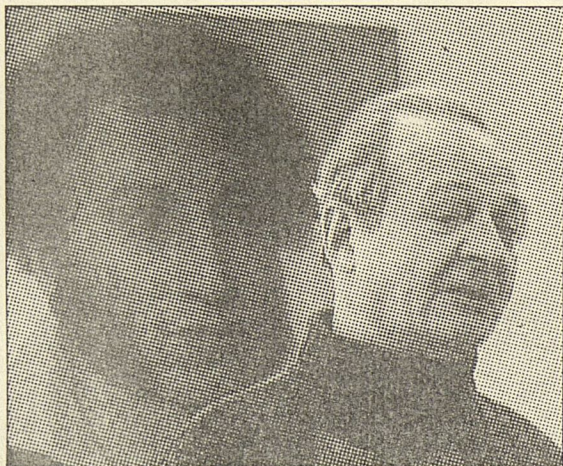
Адольф ШАПИРО

Я приехал потому, что испытываю почтение к деятельности Пушкинского Центра, к той работе, что упорно и вдохновенно проводит Владимир Рецеттер. И еще, — чтобы послушать ученых мужей. Когда-то, в Риге, помощником по литературной части работал Роман Тименчик, — сегодня один из самых блестящих в мире филологов. Всегда было важно его присутствие на репетиции, на спектакле. Ибо он смотрел на театр другими глазами, чем те, кто к нему притерпелся. В плодотворности подобного взгляда не раз пришлось убедиться. Для меня существенно все, что происходит на Творческой лаборатории, независимо от согласия с тем или иным мнением. Еще бы не существенно, — в фестивале принимает участие «Новая опера» Евгения Колобова, показывают свою работу ученики Анатолия Васильева. Именно эти события вызвали особый интерес, сделали нашу встречу незаурядной и для псковичей, и для тех, кому не безразлична судьба отечественного театра.

В интересах дела следует признать, — «Театр Пушкина» еще не открыт. Он существует как величайшее явление культуры, литературы, но для сцены остается загадкой, давно будоражащей лучших режиссеров. Были талантливые спектакли, но до сей поры Театр Пушкина, как сценическое явление, не обрел зримые и четкие очертания. По сути и устоявшейся традиции, с которой не грех бы поспорить, — нет. Так случилось, что основное развитие нашей театральной мысли шло в другом направлении. Достижения русского сцены на территории психологического театра общеизвестны. Поэтическая драма еще ждет своего Станиславского. Ждет его театр Блока, театр Цветаевой. Именно поэтому следует с благодарностью приветствовать каждый новый шаг, приближающий нас к разгадке тайн, заданных поэтом сцене.

Мой прошлый приезд во Псков памятен двумя сильными впечатлениями. Первое, радостное, — открытия для себя пушкиноведа Валентина Непомнящего в качестве выступающего на сцене. Второе — агрессивное поведение некоторых литературоведов на спектакле «Дон Жуан», показанном театром Васильева.

Прошли годы, все повторяется. Об огромном просветительском значении творчества Непомнящего не стоит говорить (благодаря телевидению оно стало достоянием широкой публики), а вот о

кряхтении, жутких столах, демонстративных уходах-приходах-уходах литературоведов и критиков на показе работы учеников Васильева — стоит сказать. Удивляешься: что заставляет иных критиков смотреть спектакли, которые заведомо не по ним? Какая-то разновидность мазохизма. Неужто приятно так терзать себя? И зачем? Чтобы потом, закатив глаза, интимным шепотком резюмировать впечатление от испытанного фразой «мне очень грустно»?

Чего грустить, критик? Большой художник делает тебе подарок, позволяет проникнуть в свою лабораторию, показывает открытую репетицию будущего спектакля по «Онегину». Ах, вот в чем дело, — не нравится, что режиссер годами работает над спектаклем. А тебе что за дело? Сколько считает нужным, столько и работает. Можно было бы оставить без внимания то, что иначе, чем насками не назовешь (и, наверное, это было бы правильнее), если бы не... Неуважение! Испытывая почтение к тем, кто посвятил жизнь изучению творчества Пушкина, я прошу уважать, ценить Анатолия Васильева. Режиссер назвал дело своей жизни не театром, а «Школой драматического искусства». Он имеет право на открытый урок, имеет право показывать, как вы пренебрежительно произносите, эскизы. Позвольте, с каких это пор эскизы в искусствоведении стали бранным словом? В Третьяковской галерее рядом с «Явлением Христа народу» висят многочисленные пробы Александра Иванова. Эскизы — подготовка к большой работе. Не лишнее заметить, — не раз случалось, что эскизы оказывались для истории искусства ценнее готовой картины.

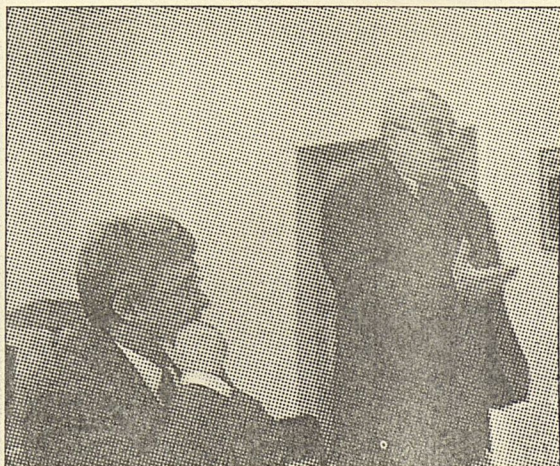
Не меньшее недоумение вызывает оперирование оценочными клише, вроде «зритель голосует ногами». Не стоит отождествлять себя со всеми зрителями, тире народом. Тот, кто уходил с откры-

той репетиции «Путешествия Онегина», был озабочен демонстрацией себя, желанием обратить внимание публики на свое особое мнение. Лучше бы задумался, — почему молодежь проявляет огромный интерес к экспериментам Васильева, отчего в конце спектакля она бурно благодарит его участников. Великий поэт, приветствуя младое поколение, не постеснялся признаться, что оно «незнакомое». Чего уж нам вставать в позу всезнаек.

Странно, — литературоведы не уловили дуновение художественности в работе Васильева, дерзость мысли, шипучесть актерской игры, озорство, и радость общения со стихом, вылившуюся в торжество всепобеждающего музыкального ритма. Возможно, самое интересное в театре — ощущение того, какие чувства испытывали творцы спектакля в процессе его создания. В этом смысле работа школы Васильева смыкалась с чувствами тех, для кого Поэт не только объект изучения, но и любви.

Пушкин слишком многомерен, чтобы найти один ответ на вопросы, заданные нам. Валентин Непомнящий предложил свой ответ, Анатолий Васильев — другой. Объединяет ученого и режиссера то, что каждый из них творит по законам «им самим над собою избранным». Уже одно это вызывает уважение к обоим явлениям.

В мои намерения не входило защищать Васильева. Но услышав от унылого, и настолько же амбициозного, критика об испытанной им «грусти», почему-то вспомнились не столь давние времена. Знакомый актер, работавший в Севастополе, рассказывал мне о тамошнем секретаре обкома. Бонза от идеологии после просмотра спектакля прочувственно вякал: «Мэни дюже страшно». Сейчас никто не закрывает спектакли, но рудименты прежнего отношения к художнику не изжиты, значит — жди всего.

Мастер нуждается не в защите, а во внимании. Анатолий Александрович — один из тех, кем гордится, точнее — должен гордиться наш театр. В пору рыночного разгула, когда критерием становится не товар, а мастерство его продажи, Он!...

В контекст фестиваля удачно вписался «Авдей Флюгарин». Прежде всего — раскрытием темы, и своей прочной, и в то же время, замысловатой связью с днем сегодняшним. О чем замечательно говорил пушкиновед Сергей Фомичев. Неоднозначность, противоречивость, и жалкость личности Фаддея Булгарина, в спектакле изобретательно поставленном Андреем Андреевым, обращает нас к современности. В ней, как всегда, есть место всему. Похоже, нас уже не удивишь. И если завтра еще один Муаррон объявит о связи с охранкой, это не вызовет никакой реакции общества, даже хлесткой эпиграммой беднягу никто не удостоит.

Спектакль «Авдей Булгарин» создан Пушкинским Центром. Инициатива приглашения «Новой оперы» Колобова так же ему принадлежит. Как, впрочем, и всего, что сегодня здесь происходит. Центр издал новую книгу — «Играем Пушкина». Собранные материалы лаборатории за восемь лет, тексты ученых и практиков театров. Не будет преувеличением сказать, — это огромный вклад в нашу культуру. Уверен, книга не останется незамеченной. Вообще, все, что делают работники Центра, достойно всяческой благодарности. Эта позиция объединяет всех, приехавших во Псков на самый безусловный праздник страны, — дни Пушкина.

Марк РОЗОВСКИЙ

Буду говорить о моем скромном опыте работы с текстами Пушкина, хотя об-

щие проблемы, безусловно, существуют. Если работаешь с пушкинским текстом, сразу чувствуешь себя каким-то лилипутом рядом с великаном. Ощущение того, что ты с ним на дружеской ноге, — очень обманчиво. Пушкин соблазняет с ним дружить, разговаривать, беседовать. Кажущееся ощущение близости очень опасно для всех нас. Мы оказываемся во власти его обаяния, которое исходит со страниц. Но мы всегда должны помнить, что литература — это канон. А мы занимаемся трактоvkами, версиями, мы делаем попытки распознать его слово, и что за словом. Как ни странно, Пушкин в этом смысле похож на Чехова. Что с помощью своего слова Александр Сергеевич хотел донести? Ведь поэзия не только слово, это то, что потом становится поэтикой, мировоззрением, той духовностью, которую надо распознать и к которой мы вынужденно должны приблизиться, прикоснуться, дотянуться. А может быть, что-то собственное открыть для себя. Поэт, несущий в своем тексте тайну, свой собственный мир, отдельный от нашего мира, в театре вульгаризируется. Происходит уничтожение тайны, а образ становится конкретным в живом воплощении, и сразу возникает вопрос: насколько он соответствует представлению о том, что эта тайна хранит. Как трактовка или версия соотносится с каноном. Что есть авторский мир, и насколько мы способны проникнуть в него со стороны.

Скажу банальную вещь: Пушкин — некий знак гармонии. Все, что дисгармонично, все, что эту гармонию нарушает в наших трактовках, — является большой нашей бедой и большим преступлением перед духом Поэта. Величие Пушкина именно в том, что он с такой мощью дал нашему народу, в котором столько раздора, раздрызга, возможность вникнуть в мир гармонии, попытаться собрать себя, сосредоточиться. Для любого, кто берется за осуществление пушкинских миров, возникает ответственность за его гармонию. Нет ответственности, — и мы попадаем в пространство китчевого театра, псевдотеатра, где нет служения автору. Есть декоративное воспроизведение лиц, фигур, ряженных, масса бакенбардов и других нахлопков. Или другой стереотип: выходим все во фраках и в длинных платьях, — китч наоборот. Все это являет собой наше внутреннее бескультурье и безответственность перед духом гармонии, который Пушкин нам преподнес и сказал: «Нате! Соотвествуйте, если можете!» А если не можете, то живите по своим собственным законам. Но это не законы, это беззаконие.

Все вольны делать что угодно, ничто не запрещено, все разрешено, но это и есть вседозволенность. Вот этот сущностный момент мы должны на пушкинском фестивале утвердить не как некую догму, а как обязательство — к театральному служению Пушкину.

• А.Шапиро
• В.Рецеттер и М.Розовский
Фото Е.ДМИТРИЕВСКОЙ

Мамин
Александр